

ИГОРЬ АРТЮХОВ

ПСИХОТОМИЯ

18+

РУССКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ХОРРОР

Игорь Владимирович Артюхов

Психотомия

Серия «В голове врача»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74504851

Психотомия. Русский медицинский хоррор:

ISBN 978-5-17-173682-8

Аннотация

Что общего у обезглавленного трупа врача, облезлого бездомного кота, царя Ивана Грозного, превентивной медицины, древнего скандинавского божества и обычной диспансеризации?

Представьте: ваши пациенты, которым вчера оставалось жить считанные месяцы, сегодня приходят на приём абсолютно здоровыми. Анализы идеальные, снимки чистые – вы не верите своим глазам! А уже завтра они начинают погибать по самым нелепым причинам.

А еще хуже – прийти на работу в больницу, где вы отслужили много лет, и обнаружить, что коллеги смотрят сквозь вас. Охранник на входе строго спрашивает: «Вы к кому?», а в отделе кадров разводят руками: вашей фамилии нет ни в одном документе. Вы никогда здесь не работали. Более того – вы никогда не учились в своём медуниверситете и всю жизнь носили чужую биографию.

Через этот кошмар тотальной потери себя суждено пройти врачу Матвею Темникову. Погнавшись за лёгкими деньгами в частной клинике, после загадочной гибели коллеги он становится подопытным в жестоком эксперименте одержимого психиатра.

Впереди девять дней. Девять глав. Девять галлюцинаций. «Психотомия» – бескомпромиссная и страшная книга о нашем здравоохранении: о больницах, врачах, пациентах, коридорах власти и, конечно же, больших деньгах.

Содержание

Анамнез	8
Глава 1	26
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Игорь Владимирович
Артюхов
Психотомия
Русский
медицинский хоррор**

*Выражаю благодарность всем коллегам,
консультировавшим при создании книги. В
отдельности – Марии Филатовой.
Игорь Артюхов*

ДИСКЛЕЙМЕР:

Все события, персонажи и диалоги, описанные в книге, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны либо используются исключительно в художественных целях.

В книге могут встречаться сцены употребления алкоголя, психоактивных веществ, насилия, суицидального поведения и иных форм саморазрушения. Их описание не является одобрением, оправданием или пропагандой подобного поведения. Напротив, автор показывает его разрушительные последствия для человека, его психики и окружающих.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен законодательством Российской Федерации.

© И. В. Артюхов, текст, 2026.

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Анамнез

Его нашли в понедельник утром. Всё произошло быстро и без суеты, без криков и зевак с задранными головами. Немногочисленные прохожие шли по тротуару, и вдруг сза-

ди что-то глухо шлёпнулось – негромко, почти деликатно, не задев ни одного кондиционера, не помяв чужую машину и не свалившись никому прямо на голову.

Руки были разбросаны в стороны, левая нога лежала под углом, не предусмотренным никакой доказательной анатомией. Затылок раскроился аккуратно, как перезрелый плод, а из трещины набежала большая багровая лужа, растёкшаяся по асфальту маслянистым пятном. К её пузырящимся краям прилипли окурки, сухой тополиный лист и конфетный фантик. Один глаз остался на месте, в раздробленной глазнице, и равнодушно смотрел в небо. Второй откатился в сторону и поблёскивал, как потерянная пуговица, чем привлёк дворнягу, околавивавшуюся на местной помойке. Собака подбежала, деловито тронула его носом и принялась увлечённо вылизывать.

Нижняя челюсть погибшего чуть сдвинулась вправо и вниз, болтаясь на широком лоскуте, а в верхней остался торчать его фирменный белый клык, как забытый штырь в отремонтированном фасаде. Только по нему, пожалуй, и можно было опознать Георгия Рыбакова – заместителя главврача клиники превентивной медицины. Ведь сама голова после приземления напоминала начинённую костными обломками гнилую клубничную ягоду.

В баре в этот раз пахло так же странно, как и везде. Подвал, уставленный полированными столами, затянуло сернисто-застарелым дымом, который перебивал противный ванильный освежитель. Он брызгал из-под потолка каждые полчаса, отчего врачу антивозрастной медицины Матвею Темникову казалось, что он сидит в морге, где кто-то ещё и жарит печень.

В последнее время у него были проблемы с запахами – они стали какие-то извращённые и дурные. Обычное жареное мясо с некоторых пор начало фонить известью, которую будто бы гасили застарелой мочой. Мандарины обволакивали ноздри тяжёлым йодированным паром. Варёные яйца воняли ацетоном. А позавчера в одном из ресторанов Матвей едва не устроил скандал: он чётко учуял сильный запах утечки газа и требовал от администратора немедленно вызвать газовую службу и вывести всех на улицу. Охрана вывела только его самого – этот запах слышал только он.

Сейчас Темников сидел в углу барной стойки, спокойно пил четвёртый виски и, можно сказать, поминал Георгия. Матвею было плохо. Не так, как бывает с похмелья или после череды суточных смен – всё это было знакомо по прошлой жизни, – а как-то иначе: глубже, тише, безнадёжнее.

Ещё месяц назад всё было иначе. Съёмная однушка в Под-

московье, обои в цветочек, вьёвшийся в стены запах варёной капусты. Вставать в рань, идти в очередь на автобус до метро, а потом в человеческой толчее целый час добираться до станции скорой. А дальше работа: бабки с давлением, алкаши с пробитыми головами, истеричные матери с вечно сопливыми детьми, одинокие старики, вызывающие скорую просто поболтать. И он ехал, ехал и ехал – по пробкам, по дворам, шагал по лестницам с разбитыми ступенями. Спина к вечеру гудела, как трансформаторная будка, а в голове – вата, вобравшая грязь со всех задниц, которым пришлось за сутки делать внутримышечные инъекции.

Но когда после очередной смены он по привычке пришёл к своему однокурснику Георгию подзанять денег – изменилось всё.

* * *

Квартира была новая, съёмная, с видом на Москву-Сити: стеклянные башни торчали вдали и в тот вечер вызывающе блестели огнями. Матвей уже в третий раз сидел на этом чёрном кожаном диване и держал в руке конверт. В нём лежали три рыжие хрусткие бумажки, которые лёгкой, щедрой рукой в очередной раз вручил Георгий, не настаивая ни на каких жёстких сроках.

В универе Георгий был «Жорой» – троечником: вечно потным, прыщавым и с «хвостами», которые накопились до

такой критической массы, что с пятого курса его попросту отчислили. Неизвестно, каким чудом он всё же получил диплом и оказался в клинике превентивной и антивозрастной медицины. Полгода назад Матвей случайно столкнулся с ним в одном из центров дополнительного образования. Вот так встреча! Жору было не узнать: накачанный, прожаренный в солярии до цвета молочной ириски, с лоснящимся лицом, будто его изнутри смазывали сливочным маслом.

Единственное, что выдавало в нём прежнего Жору, был клык – верхний правый, криво торчащий. Зубы у Георгия были идеально ровные, белые, но этот клык при каждой улыбке нелепо вылезал наружу. Сам он решил его не удалять – уж больно нравился. Можно сказать, его фишка!

И тогда, расхаживая по гостинной перед мнущим в руках конверт Матвеем, Жора уговаривал его бросить скорую помощь и перейти работать на приём к нему в частную клинику.

– Значит, смотри, Матвей... Приходит к тебе тётка и жалуется, что лицо по утрам отекает, а ты ей: «Надпочечники устали, милая». И щитовидка под вопросом. Назначаешь ей: кортизол в слюне по всем фазам, тэтэгэшки, антитела, УЗИ щитовидки, ферритин, витамин Д и витамины на все остальные буквы, на которые хватит денег. Это уже в нашей клинике двадцать пять кусков. Дальше лечение... Обязательно авторская схема: добавочки – родиола-хуэла, селен, йод в микродозах, плюс капельницы с магнием и витаминами, кото-

рые вылезли за референс. Ещё двадцать пять кусков! из всей суммы десять тысяч тебе в карман. И это базово...

– Что значит «базово»? – не понимал Матвей, мрачно заглядывая в конверт.

– Ну присмотрись к ней! Что на лице видишь? Прыщи! А прыщи – это что? – поднимал указательный палец к потолку Георгий.

– Это к дерматологу... – угрюмо отвечал гость.

– Нет-нет, пациентов мы не футболим! Если взялись – несём полную ответственность! Это, дорогой мой, дырявый кишечник и кандида. И дальше ты добавляешь: антитела на сто продуктов, копрограмму, кальпротектин, анализы на микробные маркёры, всё, что нужно. Плюс диета. И что ещё? Верно: пробиотики, масло орегано, цинк, псилиум, чтобы срала за километр и думала, что шлаки выходят. А это ещё плюс пятьдесят тысяч! – Жора загибал пальцы.

– Слушай, это же чистый развод пациентов на бабки! Я так не могу...

– Это называется максимальный комплексный спектр диагностических услуг, – возражал Жора. – Мы не только исключаем, но и предупреждаем самое страшное. Приходит человек, говорит: «У меня тут чешется». Банально? А ты знаешь, сколько за этим «чешется» может отстоять? от простого дерматита до первичного билиарного холангита, при котором печень разваливается, а человек ходит и не знает, что одной ногой на том свете. А головная боль? Миллион

причин: от переутомления до аневризмы, которая вот-вот рванёт. А больной живот – от несварения до острого панкреатита или прободной язвы. А мы должны гадать на кофейной гуще?

– не знаю... Как-то не по-человечески... – пожал плечами Темников.

– а то, что в государственных поликлиниках творится, по-человечески? Там к пациенту относятся как к говну. Плюют на них! Говорят: «Меньше жри, меньше бухай, больше двигайся». И всё! до свидания! А человек хочет, чтобы его выслушали, взяли за руку, объяснили и дали волшебную таблетку. Это рынок, Матвей. Огромный, жирный рынок! Эти люди всё равно куда-то придут. Деньги у них есть, и они готовы их отдать. Так почему эти деньги должен забрать не ты?

– Потому что мы забираем не просто деньги, а время, здоровье и жизнь! – подорвался с дивана Матвей.

– не лепи из меня сатану! Тебе никто не предлагает раковых больных лечить подорожником, а диабетикам вместо инсулина рекомендовать приседания и соки для детоксикации! Мы оказываем помощь в том объёме, который от нас хотят получить пациенты. Это главное! Ты сам-то чего хочешь? Всю жизнь в своей вонючей совковой однушке сидеть? Каждый месяц ко мне приезжать за пятнашкой до зарплаты? Мне не жалко, ты поверь. Просто обидно, что ты свои знания просираешь на скорой за копейки...

Жора качал головой, расхаживая перед Матвеем, сомкнув

руки за спиной.

– Чувствую, вляпываюсь в какую-то схему, за которую ещё дорого заплачусь... – почесал затылок Матвей и снова уселся на диван.

– Опять за своё! Ты непрошибаемый! Отдавай конверт! – рассвирепел вдруг Жора и шагнул к должнику, требовательно протянув руку.

– Я согласен!

– Отдавай обратно!

– не отдам! – неожиданно громко крикнул Матвей и тут же одёрнулся, будто испугался самого себя. – Я знаю, на что иду!

– Тогда по рукам? – строгое выражение лица хозяина квартиры, невольно обнажившего свой клык, сменилось добродушной усмешкой.

– по рукам... – ответил Матвей и с твёрдым хлопком пожал протянутую руку.

* * *

Темников уволился быстро и без церемоний: зашёл, положил обходной лист на стол заведующему, кивнул санитаркам и выскочил на воздух, будто из душного заплесневелого подвала.

С тех пор всё пошло в гору. Матвей втянулся неожиданно хорошо, и схемы потекли одна за другой: где-то капало

с «проверки микробиоты» для тревожной девицы, где-то набегало с «детокс-программы» для раздобревшего чиновника, у которого после баньки и коньячка побаливал правый бок. А ещё приваливало с капельниц, расшифровок анализов под авторскую схему и даже с «уколов красоты». Деньги пошли такие, что прежняя работа на скорой стала казаться лихорадочным сном.

С квартирой тоже решилось: поправившееся материальное положение позволило переехать. Не в центр, но уже на несколько километров внутрь МКАДа, в свежую однушку на восемьдесят квадратов. И главное – дорога! Двадцать минут до клиники, что позволяло не просыпаться в шесть утра, а спокойно пить кофе, глядя в окно на ряд припаркованных иномарок, а не на стену соседней пятиэтажки.

А сейчас – никаких тебе ночных воплей, блевоты в салоне, вони чужого немытого тела. Сидишь в чистом кабинете, пахнет кофе и кондиционером, люди приходят умытые, с деньгами, смотрят в рот. Особых усилий не прикладываешь – назначил, расписал, улыбнулся. А они возвращаются! Да ещё и благодарят! Счастливые, просветлённые, с блеском в глазах!

Матвей начал уходить в загул. Выходной – значит, в ресторан, оттуда можно и в клуб, после которого он просыпался дома с незнакомыми спутницами. Начальство было довольно, пациенты – тоже. План Матвей выполнял, касса звенела.

А вот Жора почему-то перестал выходить на связь. После

их памятной встречи он лишь раз мелькнул в клинике, сухо поздоровавшись на бегу с источающим счастье Темниковым. Но тот был какой-то дёрганный, бледный, с глубокими тенями под глазами и даже ни с кем толком не пообщался.

Через неделю, когда в клинике узнали про гибель Жоры, всех словно ударило током. Врачи стояли в коридорах и переговаривались вполголоса, кто-то даже плакал. Матвея тоже пробрало холодным, коротким ощущением растерянности. Но постояв секунд десять, он почувствовал, как его тут же отпустило. Даже слегка смутился – всё-таки человек погиб, только что был живой – и на тебе! но тут же здраво рассудил: чего сокрушаться? Они особо и не дружили. Встретились случайно через много лет. Жора жил как хотел и умер как решил – его право. А Матвею он помог, и за это спасибо. В конце концов, каждый архитектор своего конца.

Но с тех пор Темникова внезапно стало подводить здоровье. Сначала просто беспокойно спалось, и простыня к утру сбивалась в жгут, влажная и холодная, будто змея. Потом появились странные запахи, как сейчас в баре – сладковатые, – гнилостные, они волнами настигали Матвея повсюду. Он грешил на зубы или желудок – может, бактерии гниют внутри?. Сходил к стоматологу, потом на гастроскопию – ни намёка на патологию.

Затем еда начала терять привычный вкус. Мясо стало пресноватым, кофе отдавал жжёной резиной. А в одной компании он вдруг учуял тухловато-сладкое прямо посреди раз-

говора, начал оглядываться, а люди смотрели на него с недоумением.

Тусовки по выходным шли своим чередом, но что-то после смерти Жоры сломалось. Матвей вписывался в компании и через час уже тосковал с таким остервенением, что хотелось просто встать и бежать. Алкоголь перестал брать: пил, пил, а эффект смазанный, ватный – ни лёгкости, ни веселья, только утром чугунная голова и желание похмелиться.

На приёме тоже переклинило. Раньше он с азартом выстраивал схемы, смотрел на пациента, прикидывал, что добавить, как красиво упаковать в «комплексный подход» на жирный чек. Теперь сидел, слушал жалобы и ловил себя на том, что ему всё равно. Деньги капали, план выполнялся, но радости от этого не было. Как будто кто-то украл красоту и смысл процесса, оставив только бюрократические ритуалы.

А потом закопошились мысли... Не голоса ещё. Просто образы...

Едет он в метро, как внезапно представит себе, как поезд пробегает остановку, двери не открываются и везёт его куда-то без остановок – в вечность. И весь день эта картинка потом крутится перед глазами.

Или вдруг подумает про открытое окно в кабинете, подойдёт, засмотрится в него, пытаясь вспомнить, на каком он этаже – третьем или четвёртом. И потом несколько часов мысль возвращается сама собой, как язык к больному зубу, заставляя снова подходить к окну и подолгу смотреть с подокон-

ника вниз.

А ещё пространство незаметно стало сжиматься. В лифте душно, в метро тесно, в ресторанах шумно. Везде что-то не так, везде становилось как-то дискомфортно!

Затем добавился шум внутри черепа – негромкий, но постоянный, как вентилятор на малых оборотах. А ещё в глазах постоянно что-то набухало, будто на самой сетчатке появлялось тёмное уплотнение воздуха, вроде сырости. Но стоило скосить глаз – оно пропадало...

И вот, отпустив в один день очередную даму с горой добавок, он переоделся и поехал домой.

Дома Матвей заметил, что квартира тоже начала незаметно ужиматься. Потолок мерно и ритмично заходил вверх-вниз, будто грудная клетка. Но Матвей тёр лицо руками и вроде всё вставало на место.

Попытался уснуть – не вышло. Пошёл в ванную умыться, но вода отдавала сернисто-хлористым, а по трубам что-то грубо застучало, будто там завелось нечто живое.

Выключил свет. В темноте он видел квартиру отчётливо, не как днём, но как-то по-своему ясно, будто глаза переключились на другой регистр. Сбоку в спальне скрипнуло – показалось, стол чуть сдвинулся. С полки упала книга. Матвей поднял, повертел и задним числом сообразил, что, наверное, сам её задел.

Но дальше пошло хуже... Что-то внутри начало набухать волнами. Не похожее на панику или страх, а просто на что-

то неосязаемое, распирающее, с дрожью в ногах. И снова из-под крана потянуло гнилостно-горелым – густо и влажно. Мельтешение в глазах пошло волнами, шум в голове стал плотным и почти осязаемым. Перед глазами возникло пятно – то самое, что настигло его ещё в кабинете, но теперь его нельзя было прогнать просто проморгавшись. Пятно нагло набухало посреди комнаты и не исчезало. Хуже того – у него начали появляться какие-то черты. Не лицо, не фигура, а намёк на них, как когда долго смотришь на случайное пятно на стене и мозг сам начинает лепить из него человекообразное.

Шум в голове усилился, в глазах пошла чёрная рябь, а гнилостный запах усилился до того, что Матвей почувствовал, как желудок поджался к пищеводу.

Он рванул на балкон, распахнул дверь и вцепился в перила. Его накрыла тёплая, тошнотворная, как выдох из открытой могилы, волна. Она же и подтолкнула его вперёд, так что он по инерции перегнулся через перила почти по пояс и завис над улицей.

Внизу текла чужая спокойная жизнь. Огни, машины, чьи-то маленькие фигурки, ползущие по своим делам и понятия не имеющие, что какой-то врач нависает над ними, рискуя превратиться в месиво. Матвей смотрел вниз и вдруг испуганно, коротко и со свистом выдохнул. Что-то внутри каким-то последним живым инстинктом вцепилось в перила. Затем он медленно и осторожно выпрямился, отступил на шаг, прислонился спиной к стене и, колотясь мелкой дро-

жью, попытался выровнять дыхание.

Стоял и слушал, как колени превращаются из киселя обратно в кости. А в голове тем временем звучало что-то вроде пародии на мысли, на чужой язык, напоминавшей чьё-то бормотание за стеной, когда слов не разобрать, но интонация чувствуется отчётливо. И интонация была нехорошая...

Поплыли картинки: Жорина гостиная, кожаный диван, конверт с тремя рыжими бумажками. Тогда ещё что-то сжималось внутри – неловкость, лёгкий стыд, ощущение, что ступает в болото. Он это почувствовал и всё равно взял. А потом брал ещё и ещё. Пациенты шли один за другим – тревожные, доверчивые, с деньгами и без диагнозов, – а он назначал, улыбался, клал в карман. А теперь что-то пропало, будто заглох заведённый автомобиль: он перестал понимать, зачем...

Он вошёл в квартиру из балкона, и что-то тёмное и бесформенное, будто подзывавшее к себе, снова шевельнулось в углу. Матвей усилием заставил себя не смотреть туда. Потом переоделся и, уходя за порог, всё же огляделся – комната как комната, всё на месте. Темников вызвал такси, спустился, сел и поехал. Куда – додумал уже в машине, скорректировав маршрут в бар «Туманный Альбион» на Сухаревской.

Он ощущал тупик. Будто его незаметно заковали в саркофаг. Да, с хорошей вентиляцией, приличным освещением и даже трубочкой, по которой текли коктейли. Но в саркофаге было не пошевелиться. Будущее исчезло, как картинка с

выключенного экрана. Оно и раньше было незатейливым – просто зарабатывать больше денег. но сейчас он попробовал представить завтрашний день, и внутри коротко щёлкнуло, как у сломанного автомата, который берёт монетку и не выдаёт ничего взамен. Наступила пустошь – подванивавшая, гулкая, как кишечник после сифонной клизмы.

Он снова и снова прокручивал всё сразу – Жору с его деньгами, пациентов, балкон. Это лежало внутри тяжёлым, прелым комом, как мокрое зерно в мешке. И, несмотря на то что, от него исходило перебродивше-требушинное зловоние, эти зёрна прорастали чем-то стремительным и перезревшим, медленно и неотвратимо, как нарыв, который ещё не провало. Но если уж прорвёт, запах будет такой, что мало не покажется. Лучше не допустить. Пресечь раз и навсегда!

Справа кто-то подсел и отвлёк от мыслей. Это был мужик лет тридцати пяти: волосы в пучок, борода по грудь – тёмная, ухоженная, типичной формы для какого-нибудь барбера. Он придерживал бокал мутного янтарно-болотного пива явно с каким-то специфическим вкусом, из тех, что покупают хипстеры.

Темников, мрачно потягивая виски, вдруг расслышал обрывок разговора бородача с барменом. Сквозь бас прозвучало слово «пациенты». Матвей покосился рефлексивно, как собака поворачивает голову на знакомый окрик. Хипстер не смотрел в его сторону и продолжал что-то бубнить, жестикулируя бармену, но так получилось, что через минуту они

уже разговаривали, как это и бывает в баре с незнакомыми людьми. Сначала отрывистые перебрасывания словами, а затем постепенно, будто найденной зацепкой на рулоне скотча, всё разматывается в задушевную беседу. В данном случае – даже излишне задушевную.

– Меня вообще Матвей зовут.

– а я Паша, врач-психиатр.

– Ну, за знакомство, коллега!

Матвей пил и вываливал незнакомцу, чьё имя тут же забыл, абсолютно всё. Его прорвало, но не слезами и раскаянием, а пьяным азартом, желанием нарочито продемонстрировать свою ушлость, насладиться удивлённым взглядом собеседника, которому он открывает целый новый мир лёгких денег. Куда дано попасть только избранным – таким, как Матвей, который настолько самодостаточен, что может спокойно рассказывать об этом в баре первому встречному.

Матвей рассказывал про Жору, про схемы, про кортизол в слюне по всем фазам, про микробиоту, которую «проверяли» при любых симптомах, про «дырявый кишечник», про масло орегано и псилиум, чтобы «выходили шлаки», про капельницы с магнием и авторские детокс-программы с чудо-физраствором. Бородатый не походил на человека, которому это правда интересно, но он не сводил глаз с собеседника, порой забывая про своё пиво, которое уже выдохлось. Слушал, не перебивая, изредка приподнимая бровь и вставляя реплики коротко и точно, подбивая на дальнейший раз-

говор. И главное – без всякого осуждения.

При этом Матвей кое-чего не замечал, хохоча и загибая пальцы, перечисляя очередных «лохов», которые ушли с приёма с полуторакилометровыми назначениями. В какой-то момент скользкий, вежливый зрительный контакт превратился в ровный, внимательный взгляд. Незнакомец иногда на миг напряжённо опускал взгляд под барную стойку, но потом снова смотрел в заплывшее, самодовольное лицо рассказчика.

А Матвей, помимо незнакомца, рассматривавшего его как музейный экспонат, конечно, не заметил главного. И не мог заметить, потому что вышел в сортир...

Бородатый оглянулся: немногочисленные посетители скучковались в углу у плазмы с футболом, бармен нырнул куда-то под стойку, а камера была одна, с противоположного угла. Обзор он прикрыл своим телом, делая вид, что, перевалившись через стойку, присматривается к бутылкам. В этот момент он медленно выхватил из кармана пузырьёк и, наклонив его над стаканом Матвея, постучал по дну. В недопитый бокал виски вырвалась короткая, прозрачная струйка. Бородач успел спрятать пузырьёк до того, как из туалета, шатаясь и застёгивая ширинку, вышел Темников.

– Ну что, коллега, выпьем за нашу многострадальную медицину?

– За медицину...

Пациент: номер 4.

Психотропные препараты, дозировка: 150 мг.

Время введения: 7:30.

Примечание: сознание ясное. Пациент активен, ориентирован в пространстве и времени. Жалобы на искажение запахов. Высказывает суицидальные мысли. Со стороны ЦНС без особенностей.

Глава 1

Туман

– Я здесь что, пустое место?! – кричал на плече у главврача доктор в синей скорпомощной форме, шагая с ним рядом.

Валентин Семёнович Николаев в свои 55 выглядел на все 70 – так его состарили дежурства, на которых за 25 лет работы он оставил всё своё здоровье. Одышка, вызванная лишним весом, давала о себе знать: чтобы не отставать от главврача, которого Николаев часами вылавливал у кабинета, приходилось переходить на бег, а чтобы тот вообще его заметил – чуть ли не подпрыгивать и орать в самое ухо.

– Подпишите заявление! Много прошу? Ладно, хрен с вашей бухгалтерией, нет у меня претензий, подавитесь надбавками! но права не имеете держать! Подпишите! И трудовую отдайте!

Главврач – тяжёлый, лоснящийся, словно высеченный из огромного куска сала, торопливо листал смартфон, прижимая к боку кожаный портфель. Его лысая, покатая голова без намёка на шею сразу переходила в спину. Не глядя по сторонам, он шёл по коридору больницы, чему-то ухмыляясь в экран. Доктор кричал напоследок прямо в лицо «главнюку», но тот не удостоил его даже подёргиванием морщины. Главврач просто сел в машину и захлопнул дверь. Внедорожник Land Rover, чья стоимость заметно превышала официальные доходы владельца, плавно тронулся к выездным воротам. Николаев горланил вслед уезжающей машине что-то нечленораздельное, густо облепливая матом всё генеалогиче-

ческое дерево руководителя больницы.

Сотрудников тут явно замечали исключительно при производственной необходимости: подменить коллегу, выйти в усиление, отказаться от летнего отпуска. В остальное время интересы персонала для руководства как будто не существовали – даже в таком малом, как подписать заявление об уходе. Ведь на всё это действие не обернулись даже уборщицы. Коллеги, врачи, которым Валентин Семёнович годами был наставником и безотказным помощником, – бродили по больнице и старательно смотрели в сторону, даже не здороваясь, чуть ли не демонстративно ковыряя старую краску на стене.

– а вы, гандоны, чего молчите?! – воскликнул доктор, яростно буравя взглядом сотрудников, всё так же с отрешёнными лицами проходивших мимо с папками и телефонами у уха. Кто-то придержал дверь, но не для Николаева, а для каталки с капельницей; кто-то бросил взгляд в его сторону и тут же отвёл с той пустотой, с которой смотрят на доставучего пациента, к которому уже привыкли. Коридор тёк дальше, равномерно и деловито, как и всегда.

Доктор Николаев постоял ещё немного, достал из кармана смятый листок – заявление, которое носил с собой, – посмотрел на него, дыша тяжело, с присвистом, и сунул обратно резким, злым движением. Развернулся и пошёл обратно в больницу, размахивая руками и что-то бормоча себе под нос, низким, непрерывным звуком, из которого только вы-

нырнуло отчётливое «сука», «ненавижу», которое утонуло в больничном гуле.

* * *

Ознобин вообще был человеком беззлобным и неконфликтным, из тех, кто в любом разговоре скорее промолчит, чем полезет в спор, даже если где-то предательски дёрнулось от интереса под диафрагмой. Со стороны кому-то он казался просто ответственным сотрудником, а кто-то саркастично подмечал, что он хочет заработать все деньги на свете. И был для этого повод: Игнат последние полгода работал сутки через сутки. Переход на сутки через двое был скорее случайностью, и тогда он чувствовал себя едва ли не прогульщиком. А ещё одиночкой...

В ординаторской, пока остальные листали телефоны или спорили о политике, он сидел молча, прикрыв глаза. Со стороны всегда казалось, что он дремлет. Ознобин не лез в чужие разговоры, не жаловался на график, не просил подменить под Новый год. Если кому-то нужна была помощь – выходил без вопросов, отработывал и возвращался. Домой он уходил так же молча, без всякой болтовни в курилке. Никто не знал, что там, за дверью его квартиры. Возможно, и он сам не всегда знал...

У него была своя традиция – не то чтобы медитация, нет, он сам терпеть не мог это слово, слишком пафосное, слиш-

ком чужое. Скорее просто привычка. Он мог прикрыть глаза где угодно: в комнате отдыха на подстанции, продавив спиной старый диван; в автобусе по дороге домой, когда удавалось урвать место у окна; в парке на лавке, даже дома на расшатанном кухонном стуле, не замечая свиста чайника. Пять-семь минут – иногда десять, если никто не дёргал, – он садился поудобнее, расправлял плечи, которые вечно были зажаты, и закрывал глаза. Дыхание само собой становилось глубже, диафрагма опускалась, и где-то на третьем выдохе он чувствовал, как отпускает грудину – будто кто-то аккуратно отстёгивает тугие пуговицы. Тогда он начинал «убирать»: прогонял всё, что налипло за смену – лица больных, голоса диспетчеров, запах бензина и дезинфектора. Он рисовал на внутренней стороне век чёрную, глубокую, бархатную пустоту. Мушки, пятна, остаточные изображения от яркого света. всё это он растворял в ней, будто сдувал пыль с тёмного стекла. Казалось, он мог бы сидеть так часами, но будильник в голове срабатывал чётко – через пять, максимум семь или десять минут. Игнат открывал глаза, моргал, возвращая миру резкость, и снова был готов к вызову, на который его дёргал противный голос тётки из диспетчерской.

Ознобин и в этот раз прикрыл глаза, привычно начиная проваливаться в черноту, но вместо пустоты наткнулся на какое-то дёрганое, рваное движение. Ордinatorская в шесть утра была почти пустая – все на вызовах, только один врач, кажется, из детской бригады спал на животе на дальнем топ-

чане, уткнувшись носом в сгиб локтя, да где-то в конце коридора кто-то гремел посудой. Обычно сотрудники, заходя в комнату отдыха, не обращали на него внимания – привыкли к его «пятиминуткам» и проходили мимо, не трогая.

Но движение на внутренней стороне век приближалось. Оно не имело формы – просто комок какой-то возни, который подбирался всё ближе. Ему показалось, что оно остановилось прямо перед ним, вплотную, у самого лица, и смотрит. Неужели кто-то из сотрудников решил всё же похихимить?

Он открыл глаза. Никого.

В комнате отдыха была всё та же тишина, продавленный диван, пятна на линолеуме, полированный залапанный пальцами шкаф со скоропомощной формой, а «бригадир» педиатрической бригады всё так же спал, посапывая в локоть. Ознобин потёр глаза – сухо, мерзко, веки будто скрипели, как несмазанные дверные петли, – провёл ладонью по лицу. Он снова закрыл глаза, нащупал знакомую черноту и стал осторожно разгонять остаточные блики, ощущая холодный, липкий осадок из-за нарушенного процесса погружения...

* * *

– Игнат Владимирович, а ты, гляжу, опять задремал? Вот, взял нам поклевать, пока возможность есть. Двадцать минут дали на обед.

Доктор Ознобин открыл глаза в машине скорой и сразу обратил внимание на то, как за окном кабины клубился плотный туман – такой, что фонарные столбы угадывались только по оранжевым разводам в позднем осеннем, рано темнеющем небе. Из молочной пелены выплыла встречная машина – медленно, будто нехотя, с приглушёнными фарами. Где-то вдали, у облепленного туманом светофора, маячили два-три человеческих силуэта, издавдала казавшиеся сгорбленными, торопливыми, которые, перейдя дорогу, через секунду растворялись в белой взвеси. Город будто приболел и лежал в тихой дремоте, изредка переворачиваясь на другой бок.

Игнат потёр виски. Головокружение было лёгким, плывущим – будто только что слез с карусели. Он зевнул широко, по-собачьи, до хруста в челюсти. На часах уже четыре часа дня, на ногах с шести утра. Вызовы перемешались в сплошную, пёструю, плохо различимую по времени кашу: вот девушка с приступом паники в торговом центре, вот мужик, который подавился зубным протезом в столовой, вот старуха с переломом бедра, подросток с потерей сознания в школьном туалете, дворник с оторванным пальцем, который хранил его в холодильнике трое суток в надежде, что его пришьют, беременная с ложными схватками, которая орала на всю квартиру, что у неё «выпадает ребёнок», а потом выяснилось, что это просто колики. Потом вызов в элитную новостройку к мужику в костюме «Бриони», который лежал на

ковре и требовал капельницу после того, как съел три порции роллов, потому что «испугался, что отравили конкуренты». Но из-за плотного графика поди разбери, когда это всё было. Кто был первым, кто вторым? А может, это вообще было вчера? Позавчера? Или на прошлой неделе?

Картинки накладывались одна на другую: лицо девушки с паникой наплывало на морщинистую физиономию дворника с оторванным пальцем, мужик в «Бриони» переругивался с беременной с ложными схватками, а где-то между ними маячила старуха с переломом, которую нашли в ванной. он снова попытался распутать, когда что было, в каком порядке, но вчерашние вызовы намертво склеились с позавчерашними, а те, в свою очередь, с какими-то совсем древними, из прошлой зимы.

– Слушай, так пусто на улице... – сказал Игнат, протирая заспанные глаза.

Водитель запрыгнул в кабину, едва не разлив кофе из двух огромных бумажных стаканов, крикнул, уселся поудобнее и некоторое время просто смотрел в лобовое стекло, будто прислушиваясь к туману. Это был мужик лет пятидесяти, грузный, с тяжёлой походкой. «Столыпинские» усы и плоская вязаная фуражка с коротким козырьком делали его похожим на карикатурного грузина из «Мимино», однако резкий, грубоватый голос отставного прапорщика с едкими матерными междометиями, явно адресованными чьей-то матери, мгновенно сдувал этот добродушный советский флёр.

– Пусто, говоришь? – Водитель хмыкнул и кивнул куда-то в сторону тумана. – А оно и правильно. Интернет сегодня с утра отрубили. Ни мобильного нет, ни на проводе. Говорят, учения какие-то. Ну и народ, ясное дело, без интернета – как без рук. Немошнные! Сидят по домам, в телефоны свои тупятся, в ожидании «палочек», а выйти – так и нечем заняться. Раньше-то, бывало, выйдешь на улицу – люди идут по делам, машины едут, жизнь кипит. А сейчас... – он махнул рукой, – сейчас без своего этого... вай-фая и шагу ступить не могут. Так что пусто – оно даже к лучшему. Здоровее будем. Меньше этой электронной чумы, а то отупели все уже от неё совсем.

Ознобин машинально потянулся к своему телефону, ткнул пальцем в экран – ни одной «палки» связи: ни интернета, ни сети.

– Да переживём, господи, – оживился водитель. – Вот раньше без этих ваших айфонов как-то жили. И ничего. Разговаривали друг с другом. В глаза смотрели! А сейчас – чуть что, сразу в телефон носом тычут. Прогресс. Онлайн! А какой же это прогресс, когда уже даже резиновых баб толком не покупают, а бабы у них в этом... В онлайн!

– Мы со станцией-то как связь держать будем? – строго спросил Игнат, всё ещё прогоняя полусонную пелену.

Водитель хмыкнул, наклонился вперёд и щёлкнул защёлкой бардачка. Тот открылся с негромким, каким-то усталым скрипом. Он достал чёрную рацию, перемотанную изолен-

той, с толстой антенной, похожей на телескопическую дубинку.

– Гляди! – сказал он не без гордости. – Тут не пластиковое барахло. Корпус – дюраль! Весит, правда, зараза, с килограмм, зато недохнет в самый ответственный момент! Антенну видишь? – Сам, между прочим, припаивал. То, что изолента на ней, ты не морщись. Это я её с верстака случайно уронил в гараже. Но она же работает, понимаешь, в отличие от ваших кирпичей?!

Ознобин машинально из вежливости кивнул, а водитель с прежней гордостью продолжил:

– не то что ваши айфоны. – чихнул, и экран треснул. Я вон в скоропомощном гараже радиорубку установил, сам собрал, сам настроил. И мужикам нашим раздал такие же – у кого руки из нужного места растут, те собрали, у кого нет – я помог. Нам если связаться надо – всё под рукой. Клич дал, и поехали на рыбалку, или в баню, или ещё куда. Нормальной мужской компанией. А так всё равно на работе каждый день видимся, чего там по телефонам-то трепаться?

Водитель отхлебнул кофе, и продолжил уже с раздражённой злостью:

– а эти ваши айфоны – насквозь слушают всё. Америкосы! У них там каждый чип, каждая кнопка – всё под колпаком! Я своим говорю: хотите что-то по делу обсудить – разговаривайте живьём! – постучал костяшками по панели водитель, – а не через эту цифровую помойку. А если дел нет никаких,

то и трепаться нечего!

Рация в руке водителя вдруг прохрипела, сквозь белый шум пробился женский голос диспетчера. Слова рассыпались сквозь помехи на отдельные слоги, но всё же сложились: «Женщина... 45 лет... Повышенная температура... Сообщает об опасной инфекции. Радищева, 34, кв. 12».

Игнат наморщил лоб, ведь голос показался ему совершенно незнакомым – не из тех, кого он слышал годами на подстанции. Он достал планшет, ткнул пальцем в экран, но тот остался тёмным и безжизненным, выдавая отражение его собственного усталого лица. Он постучал по корпусу косяшковой, будто это могло помочь вернуть связь.

– Ну вот! – кивнул на рацию водитель, ухмыляясь. – Инфекция, говорит, опасная.

Ознобин хмыкнул, сунув бесполезный кусок пластика обратно в бардачок. Опасная инфекция... он уже нарисовал в голове картину: великовозрастная тётка в халате, с градусником под мышкой и температурой 37,1, которая уже обзвонила всех родственников с просьбой вызвать священника и нотариуса.

– Поехали. – скомандовал Игнат.

Водитель кивнул, воткнул передачу, и скорая, мягко урча, вырулила со двора в белую муть. По дороге изредка навстречу выплывали машины с притушенными фарами, почти бесшумно шелестевшие шинами по трассе. Город за окном горел кое-как: редкие жёлтые квадраты окон, одинокий

неоновый крест аптеки, силуэты на остановках – сгорбленные, лениво передвигающиеся в тумане.

Машина остановилась у девятиэтажки, которая даже сквозь туман выглядела мрачно – панельная, некрашенная, с тёмными провалами окон. Кое-где горел свет, но тускло. Ознобин выбрался из машины и спрыгнул прямо в лужу, образовавшуюся в трещине на асфальте. Досадно сплюнув, он шагнул к подъезду.

Лифт не работал. Игнат привычно вздохнул и начал подъём по лестнице – и так до третьего этажа, пока не показалась нужная дверь, обитая старым дерматином, с облупившимся номером «12». Он перевёл дыхание и нажал на звонок, но тут же вдруг увидел, что дверь в квартиру была приоткрыта.

Доктор Ознобин осторожно нажал на ручку и потянул на себя, заглядывая в проём, но тут же одёрнул голову из-за истошного крика:

– Бахилы наденьте!!!

– не положено. – твёрдо ответил он. – Нарушение техники безопасности!

– Тогда не пущу! – вахтёрско-кабаныи интонации ударили доктору в лицо.

Он распахнул дверь пошире – перед ним открылась неглубокая прихожая. Одна квартира была просторная, но пустая и заваленная пакетами с какими-то бирками. Ни картин на стенах, ни телевизора в углу, да и вообще никакого другого «жилого» признака – только голая, стерильная пустота, буд-

то в эту квартиру ещё не заехали первые жильцы. В правом углу, возле самой стены, стояла лампа, от которой на фоне мутного света исходило фиолетовое свечение. Игнат сразу же определил по озонисто-аптечному запаху, что лампа эта – кварцевая.

Перед ним на свежeweымытый, в водных разводах пол из дверей туалета шагнул силуэт. Шурша ногами, обмотанными чёрными пакетами, перед Ознобиным явилась полная женщина, туго обтянутая в защитный костюм-комбинезон. Запотевшие стёкла очков плотно прилегали к лицу, а респиратор едва выдерживал напор объёмной физиономии. Он придавал голосу особый оттенок – что-то среднее между мегафоном и той самой водительской рацией.

– Значит так, доктор! – Ковалёва почти торжественно шагнула ближе. – Вы мне тут только не говорите про ОРВИ. Я вам не дура какая-нибудь. Инфекция. Опаснейшая. Я уже два месяца хожу, стучу во все двери – в санэпидемстанцию звонила, в мэрию писала, к главному санитарному врачу на приём записывалась. А они? Отписки! Сказки про грипп! А это, я вам скажу, биооружие. Они его по всему городу распыляют – через вентиляцию, через воду, я точно знаю. Вы должны срочно, слышите? Срочно! Сообщить в министерство обороны, чтобы оцепление выставили, квартал на замок, и всех – поголовно – вакцинировать!

Она запнулась от бушующего праведного гнева, сглотнула шумно, с каким-то булькающим звуком, будто в горле у

неё застрял ком из той самой инфекции, про которую она говорила.

– Я сама уже три укола сделала. А они, гады, молчат. Потому что заказ! Им же наплевать, сколько народу ляжет. Вы понимаете? Вы-то хоть понимаете, доктор? Пока не поздно! Пока больницы не завалены! А то будет как в том году – только тогда трупы в рефрижераторах возили, а теперь уже и рефрижераторов не хватит. Оцепить! Немедленно! И вакцинировать всех – от младенцев до пенсионеров. А кто откажется – пусть подпишет, что сам себя убил. Я требую!

Ознобин приснул смешком, но, что называется, про себя, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Он сам ещё не понял, кто перед ним: будущая жертва карательной психиатрии или человеку действительно нужно вызывать психбригаду.

Доктор аккуратно поставил на пол ящик с медикаментами.

– Простите, как вас зовут?

– Ирина Фёдоровна Ковалёва! – отчеканила женщина.

– Ирина Фёдоровна, – вздохнул он, – смотрите сами. у меня чего есть? Перчатки – раз, маска – два. И всё. Больше нам на работе не выдают, пока, как говорится, петух жареный в одно место не клюнет. Вы уж позвольте, я вас здесь, на пороге, быстренько осмотрю. Мне для начальства бумагу оформлять, а врать в неё не хочется – совесть, знаете, ещё не до конца мне вывели. Я всё-таки патриот. Давайте хоть температуру померим, а дальше я сам ваше сообщение куда надо

направлю. – он ткнул пальцем вверх, мол, вышестоящие инстанции, сами понимаете. Говорил уверенно, спокойно, без напускного заигрывания.

– Значит так, доктор, температуру я уже сама померила: тридцать восемь, бывает и выше, потому что вирусная нагрузка в нашем доме огромная. Жильцы абсолютно безответственные, я к каждому ходила, в каждую дверь стучала, говорила, что нужно вакцинироваться, но меня не слушают, представляете! Я сама уже три вакцины поставила, личным примером показываю!

– И что же, поставили три вакцины – и всё равно болеете? – вырвалось у Игната раньше, чем он успел подумать.

Он тут же мысленно дал себе подзатыльник, но в наступившей тишине разглядел сквозь тающий налёт на запотевших стёклах пациентки два зрачка – острых, колючих, как зубчики пилы.

– Я больная! – сказала Ковалёва, и голос у неё вдруг сломался, потерял ту металлическую уверенность, что была минуту назад. Теперь он с трудом пробивался из-под респиратора – глухо, сипло, почти жалобно. – У меня инфекция. у меня даже эта... как её... – она замялась, пошевелила пальцами у виска, будто выуживала слово из тумана, – низкая сатуралия...

– Сатурация. – поправил тихо Ознобин, опасаясь, что его вот-вот выдадут дрожащие от напряжения скулы.

Он внимательнее присмотрелся к Ковалёвой, которую со

всех сторон обливал этот бледно-фиолетовый свет кварцевой лампы. В её свечении защитный костюм казался ещё более чужим и нелепым. Костюм наверняка надёжно скрывал её от несуществующей инфекции, но комбинезон трещал по швам, туго обтягивая колоссально объёмные бёдра и грудь, а респиратор едва налезал на широкое, заплывшее жиром лицо. Она была не просто полной – она была огромной!.

Это было ожирение, которое уже перешагнуло ту грань, за которой начинается не жизнь, а медленное, мучительное умирание для пациента и такая же мучительная работа для врачей, к которым, не дай бог, такие, как она, попадут на операционный стол. Игнат вспомнил, как в студенчестве ухаживал за такими же: возил на кресле-каталке на обследования, буквально на пределе сил толкая перед собой расплывшуюся от отёков очередную «корвалоловую медузу» из отделения эндокринологии со стёртыми суставами, атрофированными мышцами и вечными, гниющими пролежнями. Ковалёва была уже на той самой грани, просто пока ещё держалась на ногах и даже умудрялась бегать по этажам к соседям, а её крупнопузырчатые хрипы слышались без фонендоскопа – тяжёлые, громкие, влажные.

Он смотрел на неё и понимал: никакая инфекция эту тушу точно не возьмёт. Инфаркт возьмёт, или инсульт, или тромб. А психдиспансер – дорога в один конец. Там её сердечную и почечную недостаточность лечить не станут, просто добавят галоперидолом до тихого овоща. Её бы в терапию, обследо-

вать, но как, если она в своём бункере с кварцевой лампой и на порог не пускает?

Надо решать вопрос о госпитализации: оставить – прыгнет в окно или снова на людей будет бросаться, затем будут разборки. Надо звонить заведующему подстанцией и решать, кто будет забирать пациентку. Игнат достал телефон, но экран по-прежнему пустой и ни одной «палки» связи. Придётся в машину возвращаться и выходить на связь через рацию. Он сунул телефон в карман и оглянулся на Ковалёву, которая всё так же стояла на пороге, подсвеченная фиолетовым, – огромная, нелепая и даже жалкая.

– Ирина Фёдоровна, – Ознобин понизил голос, оглянулся на дверь, будто за ней могли стоять чужие уши, – слушайте меня внимательно. Я вам сейчас сделаю укол. Нам на всю смену выдали всего три ампулы – спецрезерв, понимаете? Подотчётные, только для силовиков да ведомств. ФСБ, прокуратура... – он выразительно поднял бровь. – Зараза эта и правда ходит, но в Минздраве шум поднимать не хотят – боятся паники. Больницы и так забиты под завязку. Чтобы вас сейчас в самый очаг не везти, я вам прямо здесь укол сделаю. Антител на неделю хватит. Ваше сообщение я передам куда надо – в Министерство обороны.

– Вот-вот! А я говорила! – зашептала Ковалёва, подавшись вперёд. – Писала! Сотню писем отправила! И что? Сумасшедшими нас считают!

Она хотела ещё что-то добавить – он видел, как распирает

её от слов, — но вдруг замолчала, только тяжело выдохнула, и вся её давящая напористость куда-то исчезла.

— Ладно, — сказала она устало. — Колите. Куда?

— В мышцу, конечно.

— В квартиру всё равно не пушу, — уже мягче, почти извиняясь, проговорила Ковалёва и, оперевшись о стену, стянула мятые хлопчатобумажные штаны. — В задницу уже некуда, исколола всю. Колите в бедро.

— Только у меня к вам просьба, — Ознобин со щелчком закрыл чемодан и назидательно поднял палец. — Об инъекции — никому. Ни слова. По соседям лишний раз не ходите, не вызывайте подозрений. Помещение проветривайте каждый день. Я сам за вами заеду, как только... всё начнётся. — он помолчал, глядя ей прямо в запотевшие стёкла. — Моя инъекция своё дело сделает, не переживайте. Сильные мира сего, сами знаете, колоть себе что попало не станут.

Ковалёва молчала, потом медленно кивнула, и зрачки её снова спрятались за белым налётом на очках.

— Я поняла вас, — прошептала она. — Спасибо, доктор.

Игнат спустился по лестнице, толкнул тяжёлую подъездную дверь и вышел на улицу. Туман за те двадцать минут стал ещё гуще и собственная скорая угадывалась только по синему маячку, который расплывался в молоке блёклым пятном. Водитель уже завёл двигатель, из выхлопной трубы валил дым. Он запрыгнул в кабину, хлопнул дверью и, не успев даже пристегнуться, сразу попросил связаться с под-

станцией.

Водитель кивнул, нажал на кнопку, рация противно взвизгнула, потом прошипела белым шумом и наконец выдавила из себя скучный, безразличный голос диспетчера:

– Слушаю.

– Это Ознобин. Тут на Радищева, куда мы прибыли, нужна госпитализация, скорее всего психбригада, ну или кардиология, нужно решить!

Из динамика послышались короткие щелчки, потом голос диспетчера:

– Минуточку.

На том конце замолчали, и в наступившей тишине Игнат успел про себя отсчитать секунд двадцать, нервно барабанив пальцами по крышке чемодана, а водитель выжидающе уставился в лобовое стекло, за которым туман, казалось, начал потихоньку шевелиться. Рация снова зашипела, сквозь помехи пробился голос – короткий, безликий, как автоответчик:

– Вызов от вас приняли. За ней приедут. А пока принимайте новый адрес. Улица Волгоградская, дом пятьдесят шесть, корпус четырнадцать. Пятый этаж, квартира восемь. Мужчина, девяносто лет, боли в грудной клетке.

Водитель опустил руку с рацией и повернул голову к Игнату. Тот сидел и смотрел в лобовое стекло, затем выдохнул и пожал плечами, будто скидывал невидимый груз.

– Ну чё там, на вызове? Чего за пациентка? – заинтересо-

ванно покосился водитель на доктора.

— Да бабка... — начал Ознобин, желая было рассказать про кварцевую лампу и защитный костюм, про три вакцины и сатурацию, но на полуслове махнул рукой. — Да ну её. Ши-за... Поехали.

Водитель понимающе хмыкнул, воткнул передачу, и скорая, мигнув фарами, нырнула обратно в белую муть.

Он хотел было снова немного разгрузиться, откинулся на спинку сиденья и прикрыл веки, привычно пытаясь нащупать черноту. Но едва начал разгонять в ней остаточные блики, как нечто плохо оформленное, тёмное снова подступило к его глазам. После этого доктор внезапно почувствовал едва разборчивый шум в ушах, напоминавший хруст стекла и металлический скрежет, который принёс под нос резкий запах бензина. Игнат открыл глаза, и всё это сразу же исчезло.

Машина остановилась в безлюдном дворе, больше похожем на пустырь. Ни скамеек, ни качелей — только битое стекло хрустело под колёсами да ржавая арматура торчала из потрескавшегося асфальта. у мусорных баков, перевёрнутых набок, копошилась облезлая собака. Она хищно обернулась на Ознобина, который отвлёк её хлопком двери, посмотрела на него тусклыми, злыми глазами, но тут же отвернулась и побрела прочь, волоча заднюю лапу. Он поёжился от тумана, который холодной колючкой забрался под воротник, и пошёл к подъезду. Лифт не работал и здесь, поэтому пришлось топтать пешком на пятый этаж, перешагивая через окурки и

лужи.

Игнат бывал на таких адресах не раз и каждый раз думал одно и то же: как люди до такого докатываются? Запах ударил ещё на лестничной клетке – тяжёлый, сладковато-гнилостный, замешанный на моче, перегаре и чём-то ещё кислом.

Дверь открылась после нажатия на звонок, и вместе с плотной, почти осязаемой волной этой вони навстречу вывалился мужик со свалывшейся бородой, в дырявом засаленном свитере и спортивных шортах. Глаза были маленькие, заплывшие, с красными прожилками и смотрели на доктора с абсолютно тупой снисходительностью, свойственной для таких, с позволения сказать, «социальных» слоёв.

– О... А мы вас ждали... – едва ворочая языком, пробормотал он, и изо рта пахнуло перегаром пополам с чем-то кислым, как из открытой летней помойки.

Дёрганым от очевидной алкогольной нейропатии, почти торжественным жестом «вызыванец», представившийся Федей, пригласил доктора внутрь. Ознобин шагнул через порог, и тут же под его подошвой что-то хрустнуло. Он опустил глаза – это была пластиковая крышка от розетки. Казалось, будто в квартиру хлынул прилив какой-то индийской реки. Пустые бутылки – водочные, пивные и ещё какие-то валялись вперемешку с окурками, рванными пакетами, клубками проводов, консервными банками, в которых копошились тараканы. Слой этого хлама не давал линолеуму ни единого

шанса показаться на глаза. В углу, под грудой тряпок на продавленном матрасе, кто-то тяжело храпел – сипло, с присвистом, как загнанная лошадь.

Федя, бормоча себе под нос что-то нечленораздельное, направился к матрасу, перешагивая через бутылки. Затем споткнулся о пустую коробку, выругался матерно, но всё же дошёл.

– Танька, слышь! – он с размаху шлёпнул по заднице свою этиловую компаньоншу. – Доктор приехал! Проснись!

Из-под ветоши прохрипел прокуренный, злой женский голос:

– Уйди, нахер!

Танька ещё глубже зарылась в тряпье, отворачиваясь к стене, и только голая ляжка осталась снаружи, неприкрытая дырявым одеялом.

А на диване застыл тощий силуэт. Голова запрокинута, белки глаз помутневшие, жёлтые, сухой, почти беззубый рот был раскрыт, будто в беззвучном крике о помощи. Костлявые руки замерли в странном жесте: одна на весу с растопыренными пальцами, другая прижата к груди, словно старик до последних сил пытался от кого-то отмахнуться. Казалось, его сначала утопили в болоте, а потом высушили на солнце, чтобы сдать в анатомический музей. Дед был истощён до крайности: рёбра выпирали из-под жёлтой, пергаментной кожи, ключицы торчали как какая-то вешалка, а трупные пятна расплзлись по спине и ногам сине-багровыми разво-

дами.

Игнат вздохнул, надел перчатки – резина противно скрипнула, обхватив пальцы. Он рефлекторно задержал дыхание, хотя труп ещё не разложился до вырвиглазной вони, а запах напоминал лишь отдалённо немного прелое сено. Он, поморщившись, взялся за холодное, липкое плечо деда и чуть приподнял его, заглядывая под спину. Тело нехотя поддалось и кожа от дивана отлипала с тихим, мокрым звуком. На пояснице и ягодицах уже расплзлись сине-багровые пятна – неровные, с размытыми краями.

Ознобин прижал подушечки пальцев к холодной, негнущейся шее, туда, где должна была биться сонная артерия. Жест абсолютно бессмысленный, учитывая зияющие посмертные высохшие озёра на коже, которые он только что увидел.

– Мужчина! – позвал он для проформы, и голос прозвучал глухо в этой затхлой тишине.

– Ч-чего? – Федя громко икнул, прижимая к груди пустую бутылку с какой-то белёсой жижей.

– Умерший вам кем приходится? – повысил голос доктор, перекрывая храп Таньки, который вдруг стал громче, будто она почувствовала конкуренцию.

– Э... этот? – Федя ткнул грязным пальцем – с чёрной каймой под ногтем, с заусенцами – в сторону дивана. – Дед... Дед наш, понял? Отец бати, короче... Как – умерший?

На секунду его заплывшие глаза округлились – в них

мелькнуло что-то похожее на человеческое, на испуг, даже на горе, – а красное, шелушащееся лицо раздулось какой-то воинственной задумчивостью, будто он пытался сообразить, что теперь с этим делать.

– Значит... Надо помянуть, – выдохнул он с прорезавшейся деловитостью в голосе.

Федя приложился к горлу бутылки, сделал несколько жадных, захлёбывающихся глотков, а потом, даже не попытавшись удержаться на ногах, рухнул навзничь прямо в мусорный снег и моментально захрапел – громко, с присвистом, в стать своей подруге.

Игнат выпрямился, огляделся. Диван, на котором застыл дед, был старым, с прорезавшимся дерматином, и из прорех лезла жёлтая поролоновая крошка. Рядом, на шатком столике из ДСП, громоздилась гора газет, какие-то бесплатные объявления, рекламные проспекты, и всё это вперемешку с гранёными стаканами, в которых уже давно ничего не было, кроме мутных разводов.

На краю стола, придавленный рюмкой, лежал паспорт старого образца, с выцветшей красной обложкой и потёртыми углами. Он взял его, открыл. Чёрно-белая фотография – молодой мужчина с высоким лбом, чёрными усами и почему-то улыбающийся, чем-то очень отдалённо напоминавший мертвеца.

«Кравец Антон Ильич», – прочитал Игнат. Год рождения – 1927-й. Место рождения – село Заозёрное, Горьковская об-

ласть.

Он положил паспорт на стол, достал карту, присел на корточки и, прислонив планшет к колену, начал заполнять.

— Констатирована биологическая смерть — продиктовал он себе под нос, и эти слова повисли в спёртом воздухе.

Внезапно пол под ногами будто качнулся. Гранёный стакан, стоявший на табуретке у стены, мелко застучал, съехал к краю, покачнулся и с сухим, каким-то неживым стуком упал на пол. Затем раздался густой, низкий гул с мелкодисперсным грохотом, будто на аппарате МРТ, прошёл под подошвами и тут же стих.

И тут же, сам не зная зачем, Ознобин поднял глаза на диван.

Что-то было не так. Он нахмурился, сделал шаг ближе и подошвы хрустнули по бутылочному стеклу. Руки деда, которые ещё минуту назад торчали в стороны как сухие ветки, теперь чинно лежали на груди. Рот, раскрытый в беззвучном крике, теперь был плотно закрыт. Глаза тоже, а лицо, искажённое предсмертным ужасом, разгладилось, будто кто-то стёр с него все морщины, оставив благодатную, почти детскую полуулыбку.

Игнат склонил голову набок, поморщился. Наверное, как и бывает у покойников, тонус после смерти исчез, но чтобы так — аккуратно, симметрично, будто кто-то подготовил его для отпевания. Шагнул ещё ближе, почти вплотную к дивану, заглянул в закрытое лицо. Он подумал, что, должно быть,

закрыл веки и челюсть покойнику на автомате, пока осматривал.

Он резко развернулся, перешагнул через бутылку, обошёл храпящего Федю и толкнул дверь.

Вывалился на лестничную клетку, потом на улицу и жадно, полной грудью вдохнул сырой, промозглый воздух, такой густой, что казалось, после квартирной вони им можно было жевать. Он остановился на минуту, перевёл дыхание.

Небо над головой висело тяжёлое, низкое, сгущающееся в предвечерье. Вокруг – расплывчатые силуэты многоэтажек, окна всё так же в них горели не все, а кое-где, тусклыми, больными квадратами. Двор был всё так же пуст. Ни души. Только серые, мокрые, одинаковые тряпки висели на балконных верёвках и колыхались в такт деревьям, мерно качавшимся под лёгким, но прохладным ветром, а где-то на пятом этаже резко, отрывисто хлопнула форточка и снова всё стихло.

Ознобин пересёк двор, обходя лужи, в которых отражалось безликое небо, и забрался в кабину.

– Давай свяжись с подстанцией, – сказал он, ставя чемодан между ног.

Водитель кивнул, нажал на кнопку, поднёс рацию к губам. Чёрный динамик противно зашипел, потом сквозь белый шум пробился уже знакомый, неприятный голос:

– Диспетчер слушает.

– Ознобин! – отозвался доктор, наклонившись к динами-

ку. – Констатация на адресе. Нужны ритуальщики, и наверное, полиция. Там асоциальные...

– Секундочку... – прервала диспетчер.

Водитель замер с рацией в вытянутой руке, держа её перед Игнатом. Рация снова ожила и щёлкнула.

– Вы его отпустили? – спросил голос. Доктор переглянулся с водителем.

– Кого отпустил? Куда? – переспросил он, наклоняясь к рации.

– Пациента, ну кого же ещё!? – ответила диспетчер всё тем же едким, возмущённым тоном. – В общем, езжайте на следующий вызов. Красногвардейская, семьдесят. Частный сектор. Ребёнок, десять лет, боли в животе. Повторяю: Красногвардейская, семьдесят...

– Принято. – буркнул водитель и отключил рацию. Ознобин кивнул:

– Поехали, – и снова уставился в окно, где сквозь туман проступали мокрые крыши, голые деревья и какая-то бесконечная, серая пустота.

– Слушай, – сказал он, не отрывая головы от стекла, – когда уже связь включат?

Водитель не ответил сразу. Он смотрел на дорогу – туман перед фарами расступался неохотно, мокрыми клочьями прилипал к асфальту. Потом хмыкнул, почесал затылок под фуражкой.

– А кто его знает, – протянул он почему-то без обычной

злости, скорее задумчиво. – Может, и не включают вовсе. Может, специально, чтобы народ отвыкал. А то оно-то и правда привыкли: цацки эти, видео на пятнадцать секунд, пролистал – и дальше. Внимания ни на что не хватает! Раньше вон книги читали. «Войну и мир» осиливали, а сейчас? Сейчас вон новости длиннее трёх абзацев – уже не читают, пальцем листают не дальше заголовка.

Он помолчал, обгоняя редкую «Газель», которая ползла впереди как сонная муха.

– Я вот когда в армии служил, у нас там библиотека была. Читали всё подряд – от устава до фантастики. А сейчас? Мозги высохли у населения, внимание как у комара. Долше минуты на одном месте не сидят!

Игнат не слушал. Он смотрел в окно, где за стеклом тянулась серая лента города. Туман съел очертания домов, оставив только мокрые пятна вывесок с названиями, смазанными дождевыми разводами. Свет в витринах был тихий, неяркий, и слова вроде «Мебель» читались с трудом. Изредка из молочной пелены выныривали фигуры – один, два, три силуэта. Шли отдельно друг от друга, не оглядываясь, и растворялись так же быстро в вечеряющем тумане, как и выныривали из него.

Где-то на перекрёстке замигал жёлтый светофор, и скорая притормозила. Слева, из тумана, выплыла встречная машина – длинная, чёрная, с тонированными стёклами. Фары почему-то были погашены, и машина бесшумно катилась сама

собой, словно по инерции, с заглухшим мотором.

Ознобин присмотрелся: за передним стеклом, сквозь глухую тонировку, всё же угадывался силуэт — гладкая, лысая голова. Вдруг показалось, что этот силуэт повернулся прямо на него, задержал взгляд. Секунду-другую они смотрели друг на друга сквозь туман и тонировку, и машина проплыла дальше мимо.

Скорая же свернула в частный сектор. Здесь туман стоял низко, над самой землёй. Он клубами перекатывался через дорогу, окутывал заборы, прятал покосившиеся сараи и ржавые гаражи. Дом номер семьдесят оказался маленьким, бревенчатым, с резными наличниками и покосившимся крыльцом.

Игнат взял чемодан, вылез из машины. На крыльцо вышла женщина. Сухая, сгорбленная, в длинном тёмном платье и платке. Лицо заплаканное, но при этом совершенно спокойное.

— Проходите, доктор, — сказала она тихо, пропуская его внутрь. — не разувайтесь.

Он шагнул через порог и оказался в маленькой прихожей с выскобленным до блеска полом и цветами в горшках на подоконнике. Здесь не было ни того смрада, ни грязи, ни бытлок — только тишина и чистота, которые казались почти неприличными после предыдущего адреса. Из кухни, наоборот, тянуло чем-то хоть и тяжёлым, жареным, но по-домашнему. Он прошёл по коридору, и женщина открыла дверь в

комнату.

В просторной, светлой детской, увешанной картинами с однообразными пейзажами, широко расставив ноги в вязаных колготах, сидел мальчик. Складки жира на его теле наминали детскую пирамидку, нависая одна над другой. Он тяжело дышал, уперевшись руками в матрас, негромко постанывал и морщился. На вспотевший лоб налипли редкие прямые волосы. Пухлое лицо смотрело на доктора насторожённо и оценивающе, как на чужака, который пришёл доставить ещё больше проблем.

– Привет. Как тебя зовут? – спросил Ознобин.

– Максим, – с трудом ворочая массивной нижней губой, выдавил пацан.

– Сколько мальчику лет? И какой вес? – он отошёл на шаг и вполголоса обратился к матери.

– Десять... Весит восемьдесят, – женщина опустила глаза и сухо всхлипнула.

– Вы наблюдаетесь?

– Мы ходим к... Специалисту. Всё было нормально, но сейчас у него болит живот. И не перестаёт, понимаете? Такого раньше не было.

– Что он съел?

– Кормила я его... Гуляш. Совсем лёгкий, нежирный. И ещё... корейка запечённая... Свинная, – говорила мать, запинаясь, с дрогнувшим голосом, будто она сама испугалась того, что сейчас скажет.

Игнат вместе с матерью уложили ребёнка, и он начал осторожно прощупывать живот – мягко, по кругу, спрашивая, где болит, где отдаёт. Пацан стонал, но терпел, только кусал губу.

Чем дольше он собирал анамнез, тем яснее видел: тут точно нужна госпитализация. Пацан всё время тыкал пальцем то в живот, то в бок, сбивался, пытаясь ухватить мать за руку. Сам он почти не произносил ничего членораздельного, только мычал. Ознобин спросил, где именно болит, Максим только закатил глаза и заныл – глухо, по-щенячьи, и снова ткнул пальцем куда-то в район пупочной области.

– А как часто вы его кормите? – спросил он, не глядя на женщину.

– Строго три раза в день, и только под личным присмотром, – ответила она, глядя в точку на стене над головой сына.

– Почему под присмотром?

Она помолчала, потом пустила слезу – одну, вторую – и выдавила:

– Он всё подряд тащит в рот. Бумажки, монетки, игрушки... Постоянно твердит, что голодный. Только и успеваю изо рта выхватывать.

Ознобин на секунду замер. Извилины обдало чем-то волнительно-тёплым и тревожным, будто над оболочкой вспыхнуло зарево, и по черепу заматались золотистые мушки. Он пригляделся к пациенту, но теперь уже не как к животу, который болит неизвестно где, а как к картинке из учебника, ко-

торый он когда-то листал без тени реального интереса, ведь такие редкие болезни практически точно невозможно встретить. Игнат осмотрел пациента ещё раз: маленькие ступни в вязанных колготах, пальцы на них короткие, растопыренные; речь какая-то мягкая, будто язык не помещается во рту; глаза узкие, с опущенными уголками, и один постоянно косит куда-то в сторону.

Он начал аккуратно выуживать детали: про вес при рождении, про попытки учиться в школе, о том, как он выгребал всё, что лежало в шкафах – крупу, печенье, даже сырые макароны. Синдром с двойной фамилией, которую он не мог вспомнить, витал где-то на краю сознания. Симптомы появились перед глазами буквально отдельными жирными абзацами, среди которых главными словами были: гиперфагия, мышечная гипотония, низкорослость, ожирение и задержка развития.

– Какое лечение вам прописали? – спросил Игнат у женщины, которая напряжённо замерла, поджав губы так, что они стали похожи на тонкую бледную нитку.

– Нас хотели отправить в психдиспансер, – сказала она глухо. – но превратить Максима в овощ я не дам.

– То есть никакого лечения вы сейчас не получаете?

– Получаем, – она вдруг заговорила быстрее, слова поскакали, наезжая друг на друга. – Мы ходим... к специалисту. Психологу... телесному.

Он хотел переспросить, потому как показалось, он про-

сто не расслышал, но мать продолжила с лёгкой, виноватой сбивчивостью в голосе:

– Он говорит – надо через тело работать. Через дыхание, через напряжение, через ощущения. Чтобы Максим чувствовал границы, понимал, что он есть, что он отдельно. Не таблетки, не уколы... Хирурги вообще говорят, надо желудок ушивать, а в психушках только и умеют – закалывают до состояния бревна.

Она замолчала на секунду, теребя край платка, и Ознобин вдруг заметил, как дрожат её пальцы.

– А что именно вы делаете у этого специалиста? – спросил он, хотя уже догадывался, что услышит что-то странное, почти бредовое.

Женщина отвела глаза, потом снова посмотрела на него так растерянно, затравленно, как зверёк, который забился в угол и не знает, бежать или остаться.

– Он учит его представлять, – сказала она тихо, почти шёпотом. – Закрывать глаза и думать, что живот – это болото. А потом речка приходит и вымывает это болото. И тогда живот перестаёт болеть и не будет раздуваться. И Максим после сеансов спит хорошо. Правда, хорошо. Спокойно. Не просыпается.

Она внезапно замолчала, словно решая, стоит ли продолжать, а потом заговорила быстро, сбивчиво. Сначала она записалась к участковому педиатру. Отсидела очередь, зашла, а врач даже головы не подняла, но хотя бы спросила, что

случилось. Мать начала рассказывать про постоянный голод, про набор веса, про боли в животе, но договорить не успела, потому что педиатр перебила: температура есть? Рвота кровью? Нет? Тогда к психиатру!

Потом прикрепилась к другой поликлинике, подальше. Там врач даже сесть не предложила, выслушала про голод и живот и сказала, что раз температуры нет, то, наверное, газы, и вообще ребёнок полный, нужны диета и спорт. А когда мать заговорила про этот неутолимый, бесконечный голод – что Максим готов есть всё, что не прибито, и просит ещё, – врач только отмахнулась и сказала, что у всех сейчас стресс, и посоветовала пустырник. Ни анализов, ни направлений.

А Максиму становилось хуже. Он всё чаще просыпался по ночам и бродил по кухне. Утром она находила его перед открытым холодильником. На полу валялись огрызки, фантики, вылизанные йогуртовые стаканчики. Однажды он съел пачку масла, ложку с горкой соли и замороженные пельмени за один раз! Она стала прятать еду, запираť шкафчики на замки, но он находил, открывал, вытаскивал. Иногда его рвало, но это его не останавливало – через час он снова просил есть, глядя на мать этими узкими, масляными глазами и тянул руки.

– Он после сеансов спит хорошо, – мать немного успокоилась и погладила Максима по голове, убирая слипшиеся волосы со лба. – он хотя бы здесь, рядом со мной.

В какой-то момент Игнат присмотрелся к лицу и понял:

у его пациента не просто косоглазие, а мальчик постоянно куда-то оглядывается. Врач проследил за взглядом мальчика, обернулся и заметил шкаф, где на полке среди книг стояла старая деревянная коробка в чёрно-белую клетку.

Ребёнок внезапно вскрикнул. В этот момент под пальцами Ознобина в правой подвздошной области шевельнулось что-то твёрдое и острое, едва различимое сквозь толщу жира. Мальчик заплакал – громко, по-настоящему, впервые за весь осмотр. Доктор убрал руку.

– Ты что-то проглотил? – спросил он, глядя в заплаканное, красное лицо.

Максим всхлипнул, шмыгнул носом и вдруг вытянул руку в сторону шкафа, стоявшего в углу комнаты. Палец его дрожал, тыча в полированную дверцу.

– Там... – прохрипел он сквозь слёзы. – Лошадка...

– Какая лошадка? – Игнат проследил за его взглядом.

– Чёрная... – Мальчик снова всхлипнул, сжался, обхватив живот руками.

Мать охнула, прижала ладонь ко рту. Он подошёл к шкафу, открыл дверцу. На средней полке, среди книг в потёртых обложках, стояла старая деревянная коробка в чёрно-белую клетку. Он снял её, поставил на стол, откинул крышку. Внутри, в бархатных ложементх, лежали фигуры – массивные, керамические, размером в пол-ладони. Чёрные и белые. Ознобин быстро пересчитал их – в чёрном строю не хватало коня.

– Лошадку? Чёрную? – переспросил он, глядя на Максиму, у которого слёзы текли по пухлым щекам, смешиваясь с потом. Тот закивал и зарыдал ещё громче.

Игнат выпрямился и повернулся к матери. Она прижала кулак ко рту, бегала глазами по комнате, цепляясь то за сына, то за шахматы, то за чемодан. Он заговорил спокойно, буднично:

– Слушайте меня внимательно. Сейчас мы его повезём в больницу. Сначала сделают рентген. Фигурка вроде бы небольшая и гладкая, как я вижу, без острых углов, есть шанс, что выйдет сама, естественным путём. Но это – лотерея...

– Я подпишу отказ. Мы сами, своим ходом. Мы в другое место поедem. Не в городскую больницу, – перебила она его, и в голосе её снова прорезалась та стальная, негнувшаяся нота.

– Как знаете... Но если вы меня обманываете, я позвоню в полицию и вас доставят принудительно, – твёрдо сказал он.

– Я не враг своему ребёнку и уж точно не детоубийца. Не детоубийца! Ему со мной лучше будет, – протараторила она и замолчала. Игнат заметил, как внезапно изменилось её лицо. Только что оно было напряжённым, дёрганым, глаза бегали по комнате, но вдруг как-то не то чтобы расслабилось, но собралось куда-то внутрь себя. Морщины разгладились, а взгляд стал ровным, решительным, но несколько задумчивым. С таким же взглядом она подписала отказ от госпита-

лизации.

Отказ на руках – по закону чисто, но если у пацана разовьётся какая-нибудь непроходимость или перитонит, эти бумажки следователя не остановят. Он решил связаться с заведующим подстанцией, чтобы передать информацию о мутной мамаше и несчастном ребёнке. Машинально сунув руку в карман, Ознобин вспомнил ещё до того, как его взгляд упал на мёртвое стекло телефона: связи в городе до сих пор не было.

Игнат вышел на крыльцо, и туман ударил в лицо с новой силой – влажный, холодный и даже липкий. Уличный фонарь напротив дома, у которого стояла скорпомощная «Газель», мигал в такт какому-то невидимому ритму, и свет его, пробиваясь сквозь туман, неровными кляксами ложился на землю.

Он плюхнулся на сиденье, хлопнул дверью и некоторое время просто смотрел в лобовое стекло, безразлично глядя в туманную взвесь, за которой угадывались невысокие дома с покатыми крышами, но где-то вдали, будто отделённые серой пеленой от этого двора.

– Ну что там? – выжидающе глядя на молчавшего доктора, спросил водитель.

Ознобин выдохнул, потёр переносицу и начал рассказывать – про пацана, который жрёт всё подряд, про шахматного коня в кишках, про мать, которая подписала отказ и собралась везти сына сама.

– Интересные кадры, – хмыкнул водитель в ответ. – С подстанцией будем связываться?

Сегодняшний напарник потянулся к рации, нажал на тангенту, но в ту же секунду взгляды обоих привлекла подъехавшая к этому же дому машина. Длинная, чёрная, с тонированными стёклами, с кузовом, слишком вытянутым для обычного такси. С водительской стороны вышел человек в тёмном пиджаке, с лысой бледной головой и чёрными очками на глазах, зачем-то ему понадобившимися в вечеряющем тумане.

Из дома выходила мать, держа Максима под руку. Мальчик шёл тяжело, переваливаясь, держась одной рукой за живот, а другой цепляясь за мамино плечо. Она в свою очередь тащила за спиной здоровенную сумку – старую, потёртую, с лямкой, которая врезалась ей в плечо.

Водитель в чёрных очках обошёл машину, открыв для пассажиров заднюю дверь. Мать посадила Максима, тот взвыл, схватился за дверной проём, потом втиснулся внутрь. Женщина закинула сумку следом, обернулась и посмотрела на скорую. прямо на лобовое стекло. Прямо на Игната. Секунду-другую она стояла неподвижно, правда, лица её сквозь туман было уже не разобрать. Потом она села в машину, и водитель закрыл дверцу с глухим, почти неслышным стуком, после чего сел за руль. Машина, чуть качнувшись и моргнув фарами, медленно отъехала от двора. Туман расступился перед ней и сомкнулся снова, скрыв в вечернем

полотне ярко-красные габаритные огни.

– Интересно, куда они поехали, – сказал Ознобин. – Сказала же, что в больницу своим ходом. Но не в нашу? А в какую? В область за сто пятьдесят километров?

Водитель сидел, глядя в лобовое стекло и барабанил пальцами по рулю.

– Ну... – произнёс водила с глухой задумчивостью, – куда-то точно приедут. Других вариантов тут быть не может. Главное, ты бумагу-то взял? Взял. Отказ подписан? Подписан. Ну и бог... С ними... – на этих словах водитель вдруг дёрнулся, будто проснулся, и голос его стал обычным, будничным. – Так, у нас новый вызов там. – Водитель нажал на кнопку. Рация в его руке привычно ожила, пропищала, и голос диспетчера пробился сквозь белый шум: – Мужчина, сорок пять лет, накануне выпивал. Сейчас плохо. Адрес: проспект Мира, шестьдесят, второй подъезд, второй этаж.

Водитель хмыкнул, коротко, сочувствующе качнул головой и покосился на Игната. Тот в ответ обречённо выдохнул сквозь зубы, как и положено любому скорпомощнику, когда слышит подобный повод к вызову.

Водитель молча дёрнул с места.

Скорая сворачивала на нужную улицу, на которой туман стелился низко, перекашивался через асфальт рваными, влажными лохмотьями. Ознобин вышел из машины, которая, влажно шелестя шинами, тормознула у нужной многоэтажки, и шагнул в туман, едва нащупав подъездную дверь.

Она открыла пространство, в котором свет единственной лампочки едва теплился, моргал, освещая сырой, воняющий мочой подъезд.

Он пошёл пешком вверх, на лестничную клетку второго этажа, откуда с каждым шагом всё чётче доносилось чавкающее месиво звуков: глухие удары, всхлипы, и сквозь всё это сиплый, надрывный голос:

– Я сейчас башку прострелю, сука!.. Прострелю! Ты куда пузырь мой спрятала, блядина?! У меня третий день трубы горят!

Дверь в нужную квартиру распахнулась настежь, и из неё вывалились двое. Мужик с расплюснутым носом, сизыми, обвислыми щеками и узкими, выцветшими глазами тащил за собой тётку. Он держал её за волосы, скрученные на затылке в тугой узел, и она шла на цыпочках, согнувшись, то и дело пытаясь прикрыть руками заплывший, очевидно от удара, глаз.

– Отпусти, мразота! Тебя загребут в дурку, урод! – хрипела она с обречённой воинственностью.

В правой руке у него был пистолет – чёрный, тяжёлый, которым он тыкал ей в голову, а сам всё озирался по сторонам. Он внезапно замер, удерживая тётку рукой, будто к чему-то прислушиваясь, вскинул пистолет и пальнул в потолок. Грохот ударил по ушам, где-то наверху звякнуло металлическое – пуля срикошетила, взвизгнула и ушла куда-то в бетон. Мужик дёрнулся, перевёл ствол в другой угол, снова выстрелил

– пуля выбила крошку из стены, и белая пыль медленно осела на перила.

– не возьмёте меня! Мусора! Конторские! Вылезайте, суки!

Потом он снова замер, глаза его, узкие, мутные, вдруг расширились, стали круглыми и будто ещё более бешеными. Он посмотрел прямо на место, где стоял Игнат.

– О! Смотрите, явился! Че хочешь, а, синий?! Чё рот разинул? Ну разевай пошире! На!

Ознобин не успел ни закричать, ни отшатнуться, он просто смотрел, как зрачок пистолета полыхнул медленно, будто во сне. Рука, в которой он держал чемодан, вдруг ослабла и пальцы разжались сами собой. Оранжевый чемодан завалился набок и с глухим, увесистым стуком грохнулся на бетонные ступени. Игнат развернулся и тут же сделал шаг, чтобы рвануть в сторону – к выходу, к спасительной двери внизу.

Пуля вошла под лопатку. Он почувствовал толчок – тяжёлый, сбивающий дыхание, – потом боль, раскалённую, чугунную, которая поползла от лопатки к горлу. Мужик нажал ещё раз на курок, оружие вместо этого сухо клацнуло.

– Да ёб твою мать!

Он начал ворочать пистолетом и невольно отпустил собутильницу, на мгновение забыв о ней. Начал заглядывать в дуло, прищурился, потом прижал ствол к бедру и начал трясти, будто надеялся вытрясти из него застрявший патрон. Немытая тётка, воспользовавшись моментом, вскочила и с

диким, режущим уши криком бросилась вниз по лестнице. Она перепрыгнула через Ознобина, который упал у подъезда на живот, пронеслась мимо и вылетела в распахнутую дверь подъезда, скрывшись с визгом в тумане.

Он лежал на холодном бетоне, у самого порога, щекой прижавшись к мокрой плитке. Дверь подъезда была распахнута, и туман за ней клубился какими-то жидкими, текучими космами, которые затягивали в себя свет уличного фонаря, превращая его в мутное, дрожащее пятно в слезящихся глазах.

Над ним вдруг что-то нависло. Большое, грузное, что, заслонив туман, двумя сильными руками схватило его под мышки и поволокло по земле. Голова Ознобина безвольно замоталась из стороны в сторону.

Водитель одной рукой распахнул переднюю дверцу скорой, которая, жалобно скрипнув, ударилась о бордюр. Он поднатужился, приподнял Игната повыше и, развернув, затолкал в салон – сначала ногами, потом торсом, втискивая в узкое пространство между сиденьем и панелью как мешок с цементом. Он по инерции ударился головой о лобовое стекло, потом откинулся на спинку, и ремень сам собой защёлкнулся на груди.

Скорая сорвалась с места, и туман за окном превратился в сплошную, мутную пелену, которая тянулась за ними как огромный саван и никак не хотела отпускать. Игнат, прижатый ремнём к спинке, никак не мог пошевелиться. Голова

гудела, в груди что-то хрипело при каждом вдохе, но боли уже не было – только тупая, тягучая тяжесть, которая расползалась по телу.

Он попытался повернуть голову к окну, но не получилось. Вместо этого он, пытаясь удержать тяжёлую голову прямо, смотрел в лобовое стекло. Туман сначала был плотным, почти непроглядным, потом начал редеть, превращаясь в серебристую, текучую дымку, из которой фары выхватывали сначала клочья асфальта, потом гравий, потом землю. Дорога пошла неровная, колдобистая, с рытвинами, и скорую стало подбрасывать на ухабах, но водитель не сбавлял скорости.

Ознобин с трудом всё же повернул голову к водителю.

На его месте, казалось, сидел совершенно другой человек. Точнее, он был тот же самый, но куда-то исчезло многое: и потёртая кожанка, пропахшая бензином, и несуразная кепка, и даже эта вечная, насмешливая удаль на лице. Лицо водителя стало белым, будто мраморным, без единой морщины, без намёка на ту едкую усмешку, которая сопровождала его всё дежурство. Водитель смотрел на дорогу, освещённую в ночи двумя лучами фар, сквозь чёрные солнцезащитные очки. Голова теперь была гладко выбритой, и череп поблёскивал в полутьме, как отполированный камень.

Вместо его кожанки на нём был теперь чёрный костюм с матовым, смоляным отливом. На манжетах сверкали крупные серебряные запонки и на каждой была выгравирована муха, у которой каждая жилка на крыльях, каждое сочле-

нение лапок прорисованы были так, что казалось, вот-вот они оторвутся от металла и полетят по салону. Белоснежный воротник накрахмаленной рубашки стягивал галстук – тёмно-багровый, с тяжёлым серебряным зажимом в форме змеи, которая обвилась вокруг чаши, сжимая её в своих кольцах. А на пальцах мерцали перстни: один с рубином, который пульсировал, как ему казалось, в такт возвращающемуся сердцебиению, другой – с чёрным алмазом, и этот камень не блеснул, не играл гранями, а, наоборот, будто втянул в себя всю тьму вокруг.

Преобразившийся водитель вёл машину аккуратно, но уверенно, ровными, спокойными жестами, глядя только на дорогу, переключал передачи плавно, без рывков, не глядя на рычаг. Мотор урчал ровно, но когда скорая налетала на ухаб, гул становился глубже, и машина подпрыгивала. Его подкидывало на ремнях, плечо ударялось о дверцу, голова моталась, и перед глазамиплыли серые круги. Он всё чётче слышал, как шины шуршат по гравию, и сквозь гул мотора – своё дыхание, хриплое, прерывистое, которое постепенно выравнивалось и становилось глубже. Пальцы, лежавшие на коленях, вдруг дрогнули – он пошевелил ими, сначала едва заметно, потом сильнее. Рука слушалась. Он попробовал сжать кулак – получилось. Грудную клетку больше не жгло, только тянуло где-то под лопаткой, глухо, ноюще, как после долгого бега.

Скорая тем временем выкатилась на лесную опушку. Ту-

ман, который всю дорогу клубился за окном, здесь почти рассеялся, и вместо него сверху на землю откуда-то опустился лилово-золотой свет. Игнат чуть подался вперёд головой и поднял глаза, но вместо неба над головой висела какая-то сплошная, бархатная пустота, без звёзд, без облаков, без луны. Правда, в эту пустоту упирались высокие деревья с листьями, которые излучали сияние, разливая мягкое, будто лунное молоко по траве, которая хрустела под колёсами изумрудной синью.

Водитель мягко надавил на тормоз и заглушил мотор.

– Где мы? – произнёс доктор Ознобин, глядя на водителя, спустившего на нос чёрные очки, под которыми оказались глаза – чёрные, без зрачков, без радужки, которые не отражали свет, как и его алмаз в перстне.

– Всегда на этом месте как-то теряюсь, – произнёс водитель, но голос его изменился – исчезла та гаражная удаль, та мужицкая хрипотца. Он звучал ровно, холодно, почти официально, и от этого голоса кабина, казалось, начала вибрировать. – Сотни лет мне задают один и тот же вопрос. На этом же самом месте. А как-то в лоб отвечать не научился. Истерик, знаешь ли, не люблю... – Водитель чуть придвинулся к нему и прищурился пустыми, угольными глазами. – Пообещай мне, что истерить не будешь.

Ознобин кивнул и ткнул себя пальцем в грудь, будто пытался нащупать боль, которая ещё какие-то считанные минуты назад простреливала из-под лопатки, куда вошла пуля. Да

и её будто не было. Он попробовал вдохнуть глубоко, полной грудью, но воздух вошёл легко, свободно, без хрипа, без боли.

Водитель не спеша отстегнул ремень и, повернувшись, наклонил его вперёд, придерживая за плечо. Потом хлопнул его ладонью по спине ровно между лопатками. Игнат кашлянул, и из горла на белую жилистую ладонь водителя шлёпнулась пуля – сплюснутая, тёплая, в небольшом комочке, похожем то ли на кровяной, то ли на печёночный сгусток.

Водитель взял её двумя пальцами, покрутил перед глазами и продолжил:

– Один тут истерил у меня, – сказал водитель тихо, ровно, без эмоций. – Ездили, ездили по вызовам. Вызов за вызовом. Он так меня достал своими жалобами, ну... Не то чтобы достал, а просто... выступал много. И всё ему было не так. И зарплата, и главврач, и пациенты. А потом просто посреди смены на обед встали, а он такой снова давай выступать, что в гробу это всё видал, и пошёл увольняться. Прямо на дежурстве, из машины вышел, дверью хлопнул и пошёл посреди смены... Но вызовы свои не откатал положенные. Так и ходит теперь. По станции. По больнице вашей. Требуется, орёт, а не могут ему подписать, – водитель открыл бардачок и бросил туда пулю.

Водитель достал из кармана белый, накрахмаленный платок, медленно вытер ладонь, потом начал вытирать каждый палец отдельно:

– А ты докатал всё как положено... В таких случаях.

– В каких случаях? Вы кто вообще? – глядя в золотистое свечение, окутавшее лес, спросил Ознобин.

– Во-о-от, – протянул водитель, подняв палец. – Мы вот с тобой катались по вызовам, а тебя даже не смутило, что видишь меня впервые и даже имени моего не знаешь, – усмехнулся водитель и махнул рукой: – Ладно, не ты такой один. Пошли лучше, покажу кое-что... Так положено.

Он сам не заметил, как оказался снаружи. Вокруг была пустота. Не чёрная, просто никакая. Бесцветная бездна, но при этом сонливая и какая-то совершенно спокойная. Сзади, откуда они приехали, туман потихоньку развеивался, обнажая дорогу – серую ленту, которая уходила в никуда. Впереди стоял окутанный тёплым золотистым свечением лес. При этом он переливался изнутри – то вспыхивал ярче, то гас, и в нём, как в калейдоскопе, мелькали осколки: то синие, то светло-зелёные, то тёмно-красные, они складывались в узоры, рассыпались и складывались снова.

– Иди сюда... – подозвал водитель, который обошёл машину и стоял, заложив руки за спину.

Ознобин обошёл машину и, шагая, почувствовал, что трава под ногами была какой-то пружинистой, и каждый шаг отдавался тихим, влажным хрустом. Его взгляду открылась поляна, на которой лежала перевёрнутая на бок машина скорой помощи. Она была смятая, искорёженная, как консервная банка, с выбитыми стёклами и распахнутыми побитыми

дверцами. Одно колесо было оторвано и валялось в стороне, другое было вывернуто наружу. Рядом, чуть поодаль, валялась легковушка. серая, приплюснутая, с разбитой передней частью, из капота торчали провода, и что-то шипело, дымилось и капало на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.